

Зарубежная философия.

Современный взгляд

**АВСТРИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ –
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ**

Часть 2. Собственная традиция – *pro et contra*^{*}

Р.А. ГРОМОВ

Представленная в первой части^{**} нашей статьи концепция Халлера, можно сказать, является оригинальным австрийским ответом на тот проблемный вызов, с которым сталкивается историк австрийской философии. В философии Австрии XIX в. в полной мере отразилась характерная для дунайской монархии культурная, национальная, языковая, конфессиональная полифония. Австрийские философские объединения не были едиными по конфессиональной принадлежности, они не имели однородного национального состава, единой объединяющей их политической платформы¹. Эту неоднородность австрийских объединений можно считать их характерной чертой, отличающей их от философских объединений в Германии. Отождествляя австрийскую традицию с мировоззренчески нейтральным понятием научного философствования, фокусируя внимание исключительно на теоретико-познавательных аспектах австрийских проектов, Халлер получает возможность сформулировать понятие национальной традиции, не обращаясь к конфессиональному фактору и не прибегая к категориям психологии культуры. «Австрийское» в его концепте обозначает не национальную, но скорее государственную и культурную принадлежность, речь идет об определенном типе философствования, сформировавшемся в пространстве австрийской монархии.

Концепция Халлера вызвала широкий резонанс и оживленную дискуссию в 80 – 90-е гг. прошлого века не только в среде австрийских, но также англо-американских исследователей. Заметный вклад в ее развитие внесли Барри Смит, Кевин Маллиган, Питер Саймонс, Родерик Чизольм. Ее востребованность со стороны американских исследователей объясняется, прежде всего, ситуацией в американской философии того времени – ее сближением с континентальной философией, ростом популярности проектов, оппозиционных

^{*}Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Философия как наука в постгегельевской немецкой философии. Реализация проектов научной философии в бранденбургской школе и ранней феноменологии», грант № 12-03-00240.

^{**} Начало см.: Философские науки. 2013. № 9.

аналитической традиции. По этому поводу в 2002 г. Барри Смит писал: «Одним из примечательных философских явлений последних 20 лет является так называемая „континентальная философия“ (КФ), творение, прежде всего, североамериканских университетов нашего времени. Лекции под заглавием „Континентальная философия“ предлагаются ежегодно тысячам студентов-философов. Эта практика представляется сомнительной, по меньшей мере, уже потому, что эти лекции повествуют не о континентальной философии в ее совокупности, но об узком срезе франко-немецкой философии, причем Хайдеггер зачастую является единственной твердой осью для объединения серии парижских мыслителей, каждое поколение которых выступает с претензией осуществить „конец“ философии („модерна“, „автора“, „человека“, „тождества“). При всем этом в качестве предшественника КФ иногда рассматривается поздний Гуссерль, а его учитель Франц Брентано, а также другие выдающиеся немецкие философы XX в., такие как Эрнст Кассирер или Николай Гартман в расчет не принимаются. Также игнорируются французские философы в традиции Пуанкаре, Бергсона или Жильсона, а равно и польские, скандинавские или чешские философы»². «Открытие» австрийской линии философствования позволяло не только расширить перспективу предыстории аналитической философии, но также обрести альтернативу для обозначенной выше модели «континентальной философии», избегающую парадигматического противопоставления «континентальной» и «англо-американской» традиций³. Можно сказать, что жизнеспособность концепции Халлера объясняется не только ее теоретической релевантностью, но также востребованностью в среде североамериканских аналитиков.

В ходе обсуждения этой концепции в фокусе критики оказались все ключевые характеристики «австрийской философии», в том числе исходный тезис о ее антикантианской и антиидеалистической направленности. Многие критики указывали на неопределенность понятий неокантианства и идеализма. В историко-философских описаниях нет единства относительно того, что считать неокантианством и как классифицировать его варианты. В частности, Вернер Зауэр полагает, что антикантианство как характерный признак не работает в равной мере применительно к Брентановской школе и Венскому кружку. Он указывает на существенное различие в их отношении к кантовской философии. По его мнению, Брентано представляет до-кантовскую философию, его проект обнаруживает черты реставрации лейбницевско-вольфовской традиции, являясь попыткой возрождения рациональной метафизики и теологии⁴. Напротив, неопозитивизм как метатеория опыта, в особенности, математического естествознания, исходил из понимания «теории познания», соответственно, «логики науки» как единственного легитимного

варианта философского исследования и потому представляет собой посткантовскую модель философии. В особенности тематическая близость неопозитивизма и неокантианства проявляется в теории конституирования Карнапа⁵. Кроме того, Зауэр утверждает несоизмеримость понятий научности и эмпиризма, критики языка в брентановской школе и в логическом эмпиризме. «Эмпиризм [брентановской школы] исключает только априорные понятия, но не априорное познание фактов (например, благодаря доказательству Бога), напротив, из существенного для неопозитивистского эмпиризма тезиса о редуцируемости всех осмысленных утверждений о фактах к опытным предложениям непосредственно следует бессмысленность всех предложений, утверждающих априорное познание фактов. Едва ли менее веским является различие концепций критики языка, поскольку в неопозитивизме она нераздельно связана с инструментарием математической логики, между тем как Брентано отвергал идею математической логики. Определенно, что при таких глубочайших различиях речь должна идти о совершенно разных представлениях относительно того, чем должна быть научная философия»⁶.

Повод к такой критике дает неопределенность типологических характеристик в концепции Халлера. Однако, как показывает ход дискуссии, эта неопределенность не только открывает двери критике, но одновременно дает средства для ее нейтрализации. Как замечает в ответ Халлер, «даже если следует признать, что имеют место фундаментальные различия между отдельными мыслителями, из этого еще нельзя вывести основание их несоизмеримости. Когда мы отождествляем один предмет с другим, это же не означает неизбежно утверждения: $a = b$, но чаще всего при более точном анализе это значит: a в отношении M равно b , причем M выступает в качестве *tertium comparationis*, по какому признаку сравниваемые предметы совпадают»⁷. Далее Халлер делает важное замечание, что тезис о несоизмеримости не работает, так как предполагаемая семантическая разность может быть элиминирована во всех случаях благодаря интерпретации. В этой связи возникает вопрос, что он имеет в виду под интерпретацией, способной нейтрализовать приводимые контраргументы? Во-первых, Халлер допускает исключения. По его словам, в качестве традиции утверждается общая, комплексная тенденция в философии, а не общий закон ее развития. Во-вторых, он вводит в понятие австрийской традиции элементы динамики, в результате расхождения между Брентановской школой и Венским кружком переносятся в диахроническую плоскость и рассматриваются как этапы трансформации позитивистского типа мышления⁸. Таким образом, расхождения внутри австрийской традиции могут быть представлены как разные этапы и способы реализации единого, универсального типа философствования. В итоге понятие австрий-

ской философии относится к отдельным направлениям и школам как родовое определение к своим видовым спецификациям. В этой части концепция Халлера явно выходит за рамки эмпирического историко-философского исследования и уже не поддается верификации путем обычного текстуального анализа.

В этой связи представляется полезным развести понятие общей схемы интерпретации, которое эпизодически использует Халлер⁹, и понятие исторического канона, представляющего список значимых авторов и подходов. Приведенные Халлером типологические характеристики австрийской философии («общая схема интерпретации») играют роль концептуального каркаса, на основе которого строится эмпирическое описание, формируется канон и определяется круг «значимых» фигур и явлений. На возражение, что полученная картина австрийской философии является неполной и игнорирует много деталей, следует ответ, что она учитывает лишь значимые явления и естественным образом опускает все то, что таковым не является. В этой связи признается, что в австрийских философских центрах имелись исследователи и даже группы ученых, оппозиционные отмеченной модели научного философствования и ориентированные на немецкий идеализм (О. Шпан), неокантианство (А. Риль, Г. Шпитцер, Р. Райнингер) или неотомизм. Однако им не удалось основать собственную традицию, сопоставимую по своему влиянию с линией научного философствования: «...вес учения зависит, в конечном счете, от того, какое положение ему предоставит университетская аудитория, республика ученых. И в этом отношении „исключения“ суть не опровергающие инстанции, а величины, которыми можно пренебречь»¹⁰.

Конститутивным для формирования национальной традиции Халлер считает возникновение национальной философской школы¹¹. Феномен школы оказывается ключевым элементом его концепции в силу того, что он стремится к генетическому объяснению австрийской традиции и связывает ее оформление с институционализацией исследовательских программ и их устойчивым воспроизведением в академических центрах. Таким образом, с точки зрения Халлера, философские традиции в Германии и Австрии различаются между собой не по спектру идей или направлений как таковым, а по опыту их институционализации, выражаемому в возникновении оригинальных философских школ и иного рода объединений (философские кружки, философские общества), обеспечивающих резонансную среду для определенного круга проектов¹². В Австрии школьную традицию в строгом смысле слова закладывает Брентано, под его влиянием сформировалась плеяда успешных ученых, занявших ведущие позиции на философских кафедрах австрийских университетов. Отсутствие консенсуса внутри этой школы, ее раскол и бескомпромиссные споры о приоритете (Марти и Мейнонга, Мейнонга и Гуссерля) не могут

служить контраргументом, но, скорее, как полагает Халлер, только подтверждают его тезис, поскольку являются признаком родственных устремлений и исходной близости развиваемых проектов¹³.

На это можно возразить, что институциональное влияние не является также общим признаком выделенных Халлером направлений «австрийской философии». Если в случае с брентановской школой речь может идти о ее существенном влиянии на академическую австрийскую философию, то в случае с Венским кружком, как показывает Фридрих Штадлер, о подобном влиянии на официальную жизнь Венского университета говорить не приходится. Штадлер доказывает, что влияние позитивизма в Венском университете на этапе 1918 – 1938 гг. было незначительным. В частности, членов Венского кружка – главным образом специалистов в разных научных областях от математики до социологии – не признавали в это время авторитетными философами, их скорее рассматривали как философствующих дилетантов. Доминировавшие в это время в академической среде интересы качественно не отличались от интересов, распространенных в немецкой философии. Об этом можно судить по темам диссертаций, защищавшихся в Венском университете, охватывавшим философию от Платона до Ницше¹⁴. В этом же ключе Халлера критикует Х.А. Паппас, также ссылаясь на тематику диссертаций и лекций по предмету «философия», а также на акты заседаний кадровых комиссий Венского университета, «из которых следует, что приглашение известных кантианцев Файхингера и Виндельбанда или также таких гегельянцев, как К. Фишер и Эрдманн срывалось по финансовым причинам, а не вследствие австрийской рациональности»¹⁵. С точки зрения Паппаса, философия в Австрии не может считаться самостоятельной, она представляет собой часть немецкого развития и, возможно, его периферийную область для отступления направлений, вытесняемых из немецких университетов.

Несмотря на вышеприведенные возражения Штадлера и Паппаса, именно институциональный подход представляется наиболее продуктивным для сравнительного анализа и возможной дифференциации австрийской и немецкой линий в философии. Прежде всего, вслед за Халлером можно признать ряд оригинальных характеристик австрийской философии, в частности, распространение здесь философских проектов, не получивших определяющего значения в немецкой академической среде (как гербарианство или позитивизм). На фоне языковой однородности и культурной близости немецких государств и Австрии, наличия общего образовательного пространства и интенсивного академического обмена отмеченные Халлером различия немецкой и австрийской философии можно объяснить во многом именно разностью в образовательной политике и институциональных условиях развития философии в немецких и австрийских

университетах. Таким образом, тезис Халлера может быть подкреплен средствами институциональной истории австрийского университета, на пути эмпирических социологических и институциональных исследований без обращения к спекулятивному конструированию духовно-исторических моделей или к постулированию каких-либо культурологических априори.

Уже при первом приближении, в свете основных вех развития австрийского университета, можно вести речь о своеобразии его традиции и оригинальном пути развития университетской философии в Австрии. Реформационное движение, приведшее к конфессиональному расколу европейской образовательной системы, завершилось в австрийских землях победой контрреформации и постепенным переходом контроля над университетским образованием (прежде всего над философским и теологическим факультетами) в руки ордена иезуитов¹⁶. Это определило доминирующее влияние в Австрии барочной схоластики вплоть до середины XVIII в. Оборотной стороной этого факта стало замедление, в сравнении с протестантскими университетами, професионализации философского образования – члены ордена, преподававшие на философском факультете, как правило, рассматривали преподавательскую деятельность лишь как промежуточный пункт в своей духовной карьере, что вело к высокой текучке кадров на философском факультете¹⁷. Секуляризация и реформирование университета в век просвещения, начиная с реформ Марии Терезии (1749), проходили в Австрии в духе утилитарной образовательной политики¹⁸. Это закрыло путь развитию здесь неогуманистической образовательной доктрины, ставшей к концу XVIII в. господствующей образовательной идеологией в Пруссии и явившейся важнейшей предпосылкой формирования двух ключевых течений в духовной жизни Германии первой трети XIX в. – спекулятивного идеализма и неогуманистической классической филологии. В этой связи можно констатировать, что историко-филологическое обучение в Австрии не пережило такого же глубокого обновления, какому оно подверглось в немецких протестантских университетах на рубеже XVIII – XIX вв.¹⁹ Напротив, в ходе утилитарных реформ, пик которых пришелся на годы правления Иосифа II (1780 – 1790), гуманистический компонент философского обучения консервировался и сокращался²⁰. Последующая реформа университетского образования 1805 г., которая готовилась с середины 90-х гг. XVIII в., носила ярко выраженный консервативный характер. Это проявилось не только в исключении кантовской философии из курса обязательного философского образования, о чем уже говорилось выше, но также в признании опасности слишком интенсивных занятий учащихся современной спекулятивной философией. В решении ревизионной комиссии, готовившей реформу, предлагалось отдавать предпочтение

в рамках философского (т.е. общенаучного) образования физическим и математическим дисциплинам, а наиболее предпочтительной для университетского обучения признавалась лейбницевско-вольфовская система²¹. С учетом этого межевой вехой между австрийской и немецкой философией может считаться не только «не состоявшийся» в Австрии кантовский «коперниканский переворот», как полагает Халлер. В развитии австрийской философии первой половины XIX в. можно констатировать отсутствие другого важнейшего явления, характерного для современной ей немецкой философии, а именно процесса филологизации и историзации философского исследования и образования, серьезного влияния на него неогуманистического движения. Это объясняется нацеленностью австрийских образовательных реформ на прикладное профессиональное образование. В этом свете занятие доминирующих позиций в австрийских университетах представителями гербартианства в середине XIX в., последующее распространение здесь философских проектов, ориентированных на комплекс естественнонаучных, а не историко-филологических дисциплин, вовсе не кажется случайным, но скорее является продолжением фундаментальных тенденций еще до-мартовской образовательной политики.

Возвращаясь к теории Рудольфа Халлера, можно констатировать принципиальный недостаток в способе ее обоснования. Халлер рассматривает различие в опыте институционализации как решающий фактор для дифференциации немецкой и австрийской философии отмеченного периода, однако при этом он не подкрепляет свой тезис каким-либо содержательным институциональным анализом условий развития философии в Австрии. Это можно считать следствием принятой им исходной методологической установки – ограничиться анализом теоретических аспектов философских проектов, отвлекаясь от вопросов их культурной и социальной обусловленности²².

Другим трудно доказуемым тезисом в теории Халлера является утверждение об однородности австрийской философской традиции, отождествление ее с позитивистской парадигмой. Брентановская школа и ранняя феноменология, с одной стороны, позитивизм Маха и Венского кружка – с другой, объединяются в единую традицию. В результате, Брентано и его ближайшие ученики рассматриваются как предшественники Венского кружка, а их философия оценивается как вид протопозитивизма²³. Однако ряд исследований последних лет, посвященных концепции научной философии Брентано, указывает на существенные расхождения между брентановской и позитивистской моделями обоснования философии²⁴. Было бы преувеличением, связывать формирование брентановской школы исключительно с традицией английского эмпиризма и позитивистским движением²⁵. Несмотря на критику спекулятивного идеализма, Брентано и его

ученики не отказывались ни от традиционного канона философских дисциплин, включающего метафизику и теологию, ни от традиционной онто-теологической проблематики, характерной для докантовской метафизической традиции.

Тем не менее, приведенная критика, по нашему мнению, не аннулирует тезис Халлера, но требует пересмотра используемой им модели философской традиции как однородной, линейной последовательности родственных проектов. Австрийская философская традиция в отмеченный период может быть представлена иначе, а именно как оригинальное поле разногласий, т.е. в виде устойчивых, оригинальных оппозиций, в частности, Больцано и гербартианцев; брентановской школы и позитивистов; Брентано, Маха и клерикальной партии и т.д. В этом случае снимались бы трудноразрешимые проблемы с обоснованием однородности и генетической преемственности внутри традиции, но при этом намечалась бы оригинальная карта развития австрийской философской мысли, что позволяло бы также учесть разнородность представленных в ней философских проектов. Это подразумевает также отказ от телеологической модели описания, когда философское развитие рассматривается в контексте одного единственного философского проекта, в данном случае логического эмпиризма Венского кружка.

Явное движение в этом направление представляет собой книга Робина Роллингера «Австрийская феноменология. Брентано, Гуссерль, Мейнонт и другие о сознании и предмете». В ней понятие австрийской философской традиции уже не рассматривается исключительно в контексте становления аналитической философии, но берется в связи с феноменологическим движением²⁶. По мнению Роллингера, брентановскую школу (включая раннего Гуссерля)²⁷ можно выделить в особое крыло феноменологического движения – «австрийскую феноменологию». Последняя является частью «австрийской философской традиции» в смысле Халлера, ее объединяет с другими австрийскими проектами общая сциентистская (натуралистическая) ориентация. В отличие от известных феноменологических проектов в ней отсутствует методологическое противопоставление философии и естествознания, для австрийской феноменологии характерны: корреляция дескриптивно-психологического и теоретико-предметного (онтологического в смысле Мейнонга и Гуссерля) направлений исследования, отсутствие эгологической проблематики (в отличие от мюнхенской феноменологии), усилия по обновлению логики и приоритетное внимание к проблемам философии языка.

Значение концепции Халлера и инициированной ею полемики о понятии австрийской философии видится нам, прежде всего, в том, что она показывает историков философии за выполнением ими их истинных, можно сказать, приоритетных теоретических обязанностей,

а именно за формированием нового историко-философского канона, получающего выражение в понятии национальной философской традиции. Продуктивность этой концепции выражается в тематическом обновлении исследований австрийской философии. При обсуждении концепции Халлера в фокусе внимания оказались ранее мало разработанные темы: судьба наследия Больцано и его противоборство с гербартианством, взаимодействие брентановской школы и позитивистских проектов в Австрии, отношение Витгенштейна к неокантианской традиции, дифференциация между брентановской школой и ранним феноменологическим движением и многое другое. Таким образом, как бы ни оценивались сегодня тезисы Рудольфа Халлера, дискуссию об австрийской философской традиции едва ли можно считать завершенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В круг учеников Больцано, богемского немца, входили как немцы (Циммерман), так и чехи (Прихоньский). Брентано, по национальности итальянец, до 1873 г. был католическим священником, а впоследствии стал религиозным диссидентом. Его ученики: Мейнинг происходил из старого немецкого дворянского рода и разделял антиклерикальные настроения; Марти был урожденным швейцарцем, католическим священником, под влиянием Брентано сложившим с себя духовный сан; Гуссерль родился в Моравии в нерелигиозной еврейской семье, принял лютеранство и, по словам Брентано, не был патриотом Австро-Венгрии; Массарик был чехом, Твардовский – поляком. В Грацкую школу Мейнинга входили как немцы, так и итальянцы (Бенусси). Столъ же неоднородным был Венский кружок, в который входили помимо австрийских немцев ученые еврейского происхождения (Нейрат), а также выходцы из Германии, получившие образование в северо-немецких университетах, как Шлик и Карнап.

² Smith B. Philosophy, Politik und wissenschaftliche Weltauffassung: zur Frage der Philosophie in Österreich und Deutschland // Skizzen zur österreichischen Philosophie / R. Haller (Hrsg.). – Amsterdam: Rodopi, 2002. S. 1.

³ Важной частью процесса интеграции континентальной и англо-американской философии, происходившего в 70 – 80-е гг. прошлого века, стало «открытие» брентановской школы и ранней феноменологии в качестве важных исторических предпосылок аналитического способа философствования (показательным примером здесь может служить книга М. Даммита (*Origins of Analytical Philosophy*. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1993), вышедшая сначала на немецком языке в 1988 г.; особого внимания в этой связи заслуживает предисловие к ее английскому изданию. Объединение в концепции Халлера брентановской школы (ранней феноменологии) и логического эмпиризма в единую традицию было созвучно этой тенденции и обеспечило ей позитивный прием в североамериканской академической среде.

⁴ См. детальное обоснование этой оценки в статье: Sauer W. Erneuerung der Philosophia Perennis: Über die ersten vier Habilitationsthesen Brentanos // Skizzen zur österreichischen Philosophie / R. Haller (Hrsg.). S. 119 – 150.

⁵ В «Логической структуре мира» Карнап пишет: «Заслуга открытия необходимого базиса системы конституирования принадлежит... двум различным

и часто в отношении друг друга враждебным философским направлениям. Позитивизм подчеркнул, что единственный материал познания заключается в необработанных, переживаемых данных; там следует искать базовые элементы системы конституирования. Трансцендентальный же идеализм, в особенности, неокантинское направление... верно подчеркивает, что этих элементов не достаточно; нужно добавлять постулирование порядка, наши базовые отношения» (цит. по: *Sauer W. Österreichische Philosophie zwischen Aufklärung und Restauration. Beiträge zur Geschichte des Frühkantianismus in der Donaumonarchie*. – Amsterdam: Rodopi, 1982. S. 21; см. также S. 13 – 14).

⁶ *Ibid.* S. 12.

⁷ *Haller R. Gibt es eine österreichische Philosophie?* // *Haller R. Fragen zu Wittgenstein und Aufsätze zur österreichischen Philosophie*. – Amsterdam: Rodopi, 1986. S. 40.

⁸ *Haller R. Rezension zu: Lindenfels D. The Transformation of Positivism* // *Grazer Philosophische Studien*. 1982. B. 15. S. 244 – 245.

⁹ *Haller R. War Wittgenstein ein Neo-kantianer?* // *Haller R. Fragen zu Wittgenstein und Aufsätze zur österreichischen Philosophie*. S. 155.

¹⁰ *Haller R. Gibt es eine österreichische Philosophie?* S. 41.

¹¹ «Общая схема интерпретации часто также является характеристикой философских школ, которые усваивают базовые принципы нового или традиционного учения» (*Haller R. War Wittgenstein ein Neo-kantianer?* S. 155).

¹² «Вот уже многие столетия институт школы и университета образует собственную и порой даже единственную почву истории влияния не только этой древнейшей науки, но и почти всех наук. Только на этом фоне континуальной истории республики ученых, географическими рамками которой являются университеты, и соответственно их суррогаты – научные кружки, редакции и салоны, можно объяснить философско-идеологическую борьбу, философско-литературную моду» (*Haller R. Wittgenstein und die «Wiener Schule»* // *Haller R. Studien zur österreichischen Philosophie*. – Amsterdam: Rodopi, 1979. S. 164 – 165).

¹³ *Haller R. Österreichische Philosophie* // *Haller R. Studien zur österreichischen Philosophie*. S. 10, 14.

¹⁴ *Stadler F. Aspekte des gesellschaftlichen Hintergrunds und Standorts des Wiener Kreises am Beispiel der Universität Wien* // *Wittgenstein, the Vienna Circle, and Critical Rationalism* / H. Berghel (Hrsg.). – Vienna: Hölder-Pichler-Tempsky, 1979. S. 41 – 59; см. также: *Menger K. Reminiscences of the Vienna Circle and the Mathematical Colloquium*. – Dordrecht; Boston; London: Kluwer, 1994.

¹⁵ *Pappas Ch.A. Über eine noch zu schreibende Geschichte der Philosophie in Österreich* // *Moderne. Zeitschrift des SFB*. 4. Heft 1 (2001). S. 27 – 29.

¹⁶ Иезуиты начинают преподавать в Венском университете с 1552 г., а с 1662 г. они получают право назначать преподавателей философского и теологического факультетов, в 1663 г. коллегия иезуитов инкорпорируется в состав Венского университета.

¹⁷ *Paulsen F. Geschichte des gelehrtenden Unterrichts*. – Leipzig: Verlag von Veit & Comp. Bd. 1, 3. Auflage, 1919. S. 433 – 438.

¹⁸ *Herz S. Ewige Universitätsreform. Das Organisationsrecht der österreichischen Universitäten von den theresianischen Reformen bis zum UOG 1993*. – Frankfurt a. M.: Lang 2000. S. 125; *Paulsen F. Geschichte des gelehrtenden Unterrichts*. – Berlin; Leipzig: Verlag von Veit & Comp. Bd. 2, 3. Auflage, 1921. Buch 4. Kap. 5. S. 111.

¹⁹ Первый филологический семинар появляется в австрийском университете лишь после реформы 1848 г. См.: *Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts. Buch 5. Kap. 1 – 4, 7; в особенности S. 203 – 209, 271 – 272; Тернер С.Р. Историзм, критический метод и прусская профессура с 1740 по 1840 год // Новое литературное обозрение. 2006. № 82; Громов Р.А. Франц Брентано и ренессанс Аристотеля в немецкой философии XIX века // Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. – СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа», 2012.*

²⁰ См.: *Meister R. Entwicklung und Reformen des österreichischen Studienwesen. Teil 1. – Wien: Hermann Böhlaus Nachf., 1963.* В общей директиве Иосифа II от 1781 г. говорилось: «Молодым людям не следует преподавать ничего, что затем они либо очень редко, либо вообще не смогут использовать на благо государства, так как обучение в университетах, по существу, служит для воспитания государственных служащих, а не для исключительного воспитания ученых. Посему латинский язык следует использовать только для того, для чего он предназначен: для понимания авторов и языка церкви» (цит. по: *Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts. S. 111*).

²¹ Предпочтительный характер физикалистски и математически ориентированного образования объяснялся практической пользой поддержания этих наук, а также тем, что «для общественного спокойствия... было бы весьма выигрышно... если бы внимание образованных классов отвлекалось от идейного царства метафизики, которое у более слабых духом лишь заменяет сомнением и недовольством все те основы, которые необходимы им для размышления и действия в обычной жизни, а лучшие головы превращают в беспокойных, властолюбивых, нетерпимых реформаторов» (цит. по: *Sauer W. Österreichische Philosophie zwischen Aufklärung und Restauration. Beiträge zur Geschichte des Frühkantianismus in der Donaumonarchie. – Amsterdam: Rodopi, 1982. S. 295*).

²² См.: *Haller R. Österreichische Philosophie*.

²³ Единство этой традиции, как отмечалось выше, оказалось в фокусе критики концепции Халлера и признавалось им самим ключевой проблемой. По его мнению, понять связь между Брентано, Хёфлером, Мейнонгом, с одной стороны, и Махом, Больцано, Венским кружком, с другой, «означает, по сути, постичь историю австрийской философии. Ибо если эта классификация верна, то мы можем надеяться открыть общность, которая связывает начала австрийской философии со временем ее расцвета. В этом случае станет ясно также, почему я утверждаю, что наша философия не только ориентирована эмпирически и научно, но в своей следующей общей характеристике названа „sprachkritisch“» (*Haller R. Ludwig Wittgenstein und die österreichische Philosophie // Haller R. Studien zur österreichischen Philosophie. S. 109*).

²⁴ *Antonelli M. Seiendes, Bewußtsein, Intentionalität im Frühwerk von Franz Brentano. – Freiberg; München: K. Alber, 2001; Tiefensee E. Philosophie und Religion bei Franz Brentano. – Göttingen: Francke, 1998; Werle J. Franz Brentano und die Zukunft der Philosophie. Studien zur Wissenschaftsgeschichte und Wissenschaftssystematik im 19. Jahrhundert. – Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1989; Brentano F. Über Ernst Mach «Erkenntnis und Irrtum». – Amsterdam: Rodopi, 1988.*

²⁵ Важнейшими истоками его философии были неоаристотелизм Треднеленбурга и ранняя немецкая неосхоластика (см.: Громов Р.А. Франц Брентано и ренессанс Аристотеля в немецкой философии XIX века).

²⁶ См.: *Rollinger R.D. Austrian Phenomenology. Brentano, Husserl, Meinong, and Others on Mind and Object.* – Frankfurt: Ontos Verlag, 2008, в особенности Р. 6 – 26.

²⁷ «Логические исследования» Гуссерля Роллингер оценивает как «крупнейшую работу австрийской феноменологии» (*Ibid.* Р. 2).

Аннотация

В статье рассматривается дискуссия вокруг понятия «австрийская философская традиция» Р. Халлера. Обосновывается тезис, что, несмотря на ряд существенных контраргументов, это понятие может быть обосновано посредством институциональных исследований истории австрийского университета.

Ключевые слова: Брентановская школа, Венский кружок, эмпиризм, австрийский университет.

Summary

The article concerns the discussion on the notion «Austrian philosophical tradition» which was proposed by R. Haller. The author argues that despite the number of the sufficient counterarguments, we still can justify this notion by the means of the institutional researches of the history of Austrian university.

Keywords: Brentano's school, Vienna Circle, empiricism, Austrian university.